

УДК 94(571.5)

Личные подсобные хозяйства крестьян Приангарья в послевоенный период

С.В. Ковригина

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

mit@brstu.ru

Статья получена 14.03.2014, принята 15.05.2014

Научный интерес автора статьи направлен на исследование проблем сельского хозяйства региона в послевоенный период. Автор рассматривает специфику и тенденции развития личных подсобных хозяйств крестьян Приангарья.

Ключевые слова: Сибирь, Приангарье, крестьянство, сельское хозяйство, личное подворье, послевоенный период.

Private subsidiary farming of the peasants, living in the region of the Angara River, in the post-war period

S.V. Kovrigina

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

mit@brstu.ru

Received 14.03.2014, accepted 15.05.2014

Author's scientific interest is aimed at researching agricultural problems of the region of the Angara River in the post-war period. The author has considered specific nature and development trend of private subsidiary farming of the peasants, living in the region of the Angara River.

Keywords: Siberia, region of the Angara River, peasantry, agriculture, private farmstead, post-war period.

Введение. Крестьянская семья представляла собой главную рабочую силу, занятую в хозяйстве, труд в котором был направлен большей частью на удовлетворение основных потребностей семьи и выполнение повинностей, налагаемых обладателями политической и экономической власти [1]. Материальное положение колхозников послевоенных лет определялось двумя источниками: оплатой труда в общественном хозяйстве и доходами от личного хозяйства.

Низкая оплата трудодней, не решающая проблем обеспечения крестьянской семьи, вынуждала колхозников уделять все большее внимание личному подворью, в связи с чем в 1948 г. по колхозам Иркутской области трудодней выработано более чем на 7 млн.

меньше в сравнении с 1940 г. [2]. Даже в 1950 г. выдача зерна и бобовых на один трудодень в районах Восточной Сибири составляла 59,8 % от довоенного уровня и была значительно ниже, чем в целом по стране [3]. Следует иметь в виду, что это был практически единственный источник хлеба для колхозных семей. Повсеместно отмечалось, что «на уровень трудовой дисциплины в колхозах большое влияние оказала тяга отдельных колхозников пригородных и пристанционных районов к развитию своих личных хозяйств с целью торговли на базаре и ж.д. станциях» [4]. Вложение трудовых усилий членов крестьянской семьи в личное хозяйство ежегодно увеличивалось. Трудовые затраты в нем от всего времени, вырабатывае-

мого семей за год, составляли по РСФСР в 1950 г. – 23 %, в 1955 г. – 24 %. В общественном же хозяйстве доля трудовых затрат семьи сократилась по РСФСР с 64 % в 1950 г. до 59 % в 1955 г. [5].

Не получая оплату за выработанные трудодни в колхозах, крестьяне могли рассчитывать лишь на собственное хозяйство, которое требовало значительного вложения труда.

Размер личного подсобного хозяйства (ЛПХ) был жестко регламентирован местными властями. Из колхозной земли, при условии исправной работы, каждый двор наделялся небольшим участком приусадебной земли в размере от 0,25 до 0,5 га (не считая площади под жилыми постройками), в зависимости от географической зоны, в которой находился колхоз. Исключение из артели автоматически влекло за собой потерю личного подсобного хозяйства, без какой-либо компенсации [6]. Согласно уставу сельскохозяйственной артели, из обобществленных земельных угодий в личное пользование каждого колхозного двора выделялся небольшой (от 0,25 до 1,0 га) участок земли – огород, который в приангарских деревнях обычно располагали за хозяйственным двором.

Каждый крестьянин должен был в обязательном порядке заплатить сельскохозяйственный налог государству за пользование личным подворьем. Сельхозналог был одним из источников пополнения государственного бюджета, львиная доля которого тратилась на форсированное развитие тяжелой индустрии. Каждый колхозный двор обязан был выплачивать натуральный налог, так называемые «государственные поставки», причем, независимо от поголовья скота в личной собственности и вида возделываемых на своих приусадебных участках культур. По мнению Д.В. Сметанина и А.Ф. Милохина, такая «ситуация с обложением государственными поставками крестьянского подворья выглядит абсурдной. Колхозник был обязан уплачивать натуральный налог даже с того, чем он не владел» [7]. Величина этих поставок неоднократно возрастала. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 19 марта 1946 г. среднегодовые нормы поставки молока устанавливались в размере до 260 л с каждой коровы. С

1949 г. на 50 % повышалась норма сдачи шерсти овец. В послевоенные годы каждое личное подсобное хозяйство, в зависимости от климатической зоны, было обязано сдавать 40-60 кг мяса, 60-110 л молока, 80-100 шт. яиц [8], 200-1100 г. шерсти с каждой овцы, картофеля – от 2 до 20 ц с га, шкуры овец и коз – 0,5-2 шт. В обязательном порядке сдавались все шкуры крупного рогатого скота. В районах Верхнего и Среднего Приангарья госпоставки составляли от 180 до 210 литров молока, в Нижнем Приангарье, которое территориально относилось к Красноярскому краю, нормы поставок были значительно выше – от 200 до 240 литров [9]. При этом должна была соблюдаться установленная норма жирности. Если она падала ниже 3 %, план поставок молока добавлялся [10]. Как вспоминают жители Приангарья, «Работали за палочку – трудодень. А за трудодень мы ничего не получали. А ведь платили, есть ли у тебя овцы или нет, шерсть, государству сдавали яички, молоко. Если поросенка держишь, зарежешь его, надо ободрать шкуру, сдавали, это все сдавали. А себе что доставалось? Да считай, что ничего. Однако жили» [11].

Как справедливо отметил В.А. Бердинских, цифры разных налогов намертво врезались в память крестьянок. Они и сегодня называют их без запинки. Сдавая все маломальски съедобное, сами вынуждены были питаться суррогатами [12]. Многие жители Приангарья вспоминают о том, как на собственные средства покупали на рынке или у соседей недостающие продукты для сдачи государству. В Среднем и Нижнем Приангарье для получения денег практиковалась сдача ягод, грибов и других таежных даров в заготовительные пункты. Так, например, Л.Ф. Широких из Тангуйского района Иркутской области вспоминает: «Нам за это платили деньги, и мы платили налоги. А если не уплатишь налог, то осудят и корову отберут» [12].

С 1939 по 1953 гг. доходы крестьянского хозяйства рассчитывались финансовыми органами, исходя из идеальных условий, без учета состояния многих хозяйств. Эти нормы могли в несколько раз превышать фактический доход. Из общей суммы сельхозналога 50 % падало на доходы от скота [5]. Крестьяне

должны были ежегодно оплачивать каждую сотку используемой земли, каждую голову скота. Таким образом, неудивительно, что по региону к 1950 г. резко сократилось число коров. поголовье крупного рогатого скота в ЛПХ колхозников составляло лишь 71 % к довоенному уровню 1940 года, свиней – 21 % и овец – 52,7 % соответственно [2].

В течение всего исследуемого периода колхозники весьма активно утаивали свой личный скот от государственного учета с тем, чтобы сократить налогооблагаемую базу. Примечателен факт сокрытия скота даже от статистического исследования: «в течение полугодия имел место недоучет скота и птицы, особенно в первые месяцы бюджетного обследования. Недоверчиво относясь к статистам по бюджетам, колхозники несознательно укрывали скот и птицу на находящихся заимках и прокорме в чужих хозяйствах» [12]. Как вспоминает Н.В. Дубровин из д. Падун, «у нас, как на грех, вчера родился теленочек, ну, тут мы, конечно, все бегали, смотрели, любовались. А наутро я сплю, все ушли, бабушка дома, – пришел этот переписчик и записывает. Она ему говорит, он записывает. Я, значит, слышу, бабушка все перечислила, кроме теленочка. А я, значит, глазами так – хлоп-хлоп, но молчу. Потом, когда этот переписчик ушел, я так потихоньку бабушке: “Баба, а мы теленочка-то не записали...”. А бабушка: “Ой, ты мой ребеночек, ты мог меня и подвести, да промолчал”. Вот так нас учили уму-разуму» [12].

Заметим, что к концу 1940-х годов подворные переписи проводились уже не со слов колхозников, и утаивание скота для снижения ставок по сельхозналогу не обходилось без помощи деревенских властей. Так, в Кежемском районе Красноярского края некоторые трудоспособные записывались калеками. Многие производили по спискам фиктивные разделы членов одной семьи или объединение разных хозяйств в одно. По трем сельским Советам – Пановскому, Селенгинскому и Фроловскому незаконно освободили от поставок или предоставили льготы 90 хозяйствам [13].

Частыми стали случаи, когда колхозники использовали часть заброшенных колхозных земель для посевов овощей для себя.

19 сентября 1946 г. увидело свет Поста-

новление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В этом документе подвергалось резкой критике «увеличение приусадебных участков». Вслед за постановлением началась кампания по изъятию «незаконно захваченных земель». Так, в Куйтунском районе Иркутской области в 1946 г. в результате проверки выяснилось, что в колхозе им. Дмитрова ряд членов артели имел больше земли, нежели полагалось. Например, колхозница Куликова, вместо 60 соток, имела 2,36 га, 1,62 гектара занимал Данилов [14]. В Кежемском районе Красноярского края, в колхозе «Пробуждение» бригадир Панов самовольно раздал 1,8 га колхозной земли на острове Курейный под огороды [15].

Рачительное отношение к земле не изменилось в крестьянском менталитете, и неиспользуемые сельхозартелью земли колхозники считали собственными. Были случаи частных посевов на полях колхоза [16] и даже продажи излишков «собственного огорода» [16]. Газета «Илимский партизан» сообщила: «Два года тому назад в селе Нижне-Илимске существовала улица 3-я Советская. Улица «исчезла». А очень просто, жители этой улицы взяли лопаты и вскопали ее под огороды, изгородили вдоль и поперек ее заборами» [17]. Большинство захваченных земель использовалось «частными лицами», проживающими в сельской местности, но не являющимися членами колхозов. Так, в Иркутской области из 103051 гектара самовольно используемой земли только 4,5 тыс. га были захвачены колхозниками в виде приусадебных участков [18].

Следует отметить, что на использование колхозных земель членами сельхозартелей руководители чаще всего смотрели сквозь пальцы. Отчасти это было связано с отсутствием в регионе проблемы с малоземельем, а зачастую просто хлопотно было доказывать захват земли внутри артели. Например, в колхозах Братского района в 1946 г., по сообщению газеты «Знамя коммунизма», был крайне запущен учет земли: «В колхозных шнуровых книгах, как правило, отсутствуют записи за несколько лет подряд. Ведением учета земли не может похвастать и райзо, где в Государственной книге регистрации

земель также нет записей» [19].

В Приангарье основные усилия местных властей были направлены на возвращение земли колхозам из рук неколхозного, но проживающего в деревнях населения, и изъятие земель сельхозартелей у государственных предприятий, так как масштабы этого вида захвата земель были более значительны и выявлялись по все районам Приангарья. В одном только Удерейском районе «по всем колхозам наблюдается незаконный захват общественных земель колхозов – рабочими, служащими и различными организациями, которые сейчас занимают 955 га пахотной земли, причем самой лучшей – островной и заливной» [20]. Так, на 20 февраля 1947 г. колхозам Красноярского края и Иркутской области было возвращено 371484 га земли, захваченной незаконно на расширение приусадебных участков [21]. В целом по стране к началу 1947 г. было возвращено 4,7 млн. га земли, находившейся в пользовании предприятий, учреждений, колхозников [22].

В борьбе с «собственническими устремлениями» крестьян приусадебные участки личного пользования урезались в течение послевоенного периода несколько раз. В 1946 г. крестьянам было запрещено увеличивать площади приусадебных участков. В 1950-1953 гг., в связи с укрупнением колхозов, площади приусадебных посевов сократились.

В ЛПХ колхозников производились все основные продукты питания. Часть из них шла на продажу, что создавало значительную долю денежного дохода колхозной семьи.

Для населенных пунктов нижнего течения Ангары характерно отсутствие огородов в пределах усадьбы. Огороды обычно были сосредоточены в одном месте, за деревней, и огорожены общей изгородью. Часто вся площадь огорода делилась на две части соответственно качеству земли. В одной стороне отводили каждому участок под картофель, в другой – длинная узкая грядка под другие овощи. Картофель сажали, кроме того, еще и в поле [23]. Овощные культуры, традиционные для Приангарья (капуста, турнепс, морковь, картофель и др.), выращивали на огородах, чаще всего, вынесенных за пределы подворий, ближе к берегам рек. В Приангарье из 50 овощных растений выращивалось всего 10-12 видов, и из них промышленное

значение придавалось только капусте, огурцам, помидорам, свекле, моркови и луку [24]. Так, секретарь Красноярского крайкома ВКП (б) в докладной записке Сталину указывал, что в районах Нижнего Приангарья «картофель и овощи дают весьма высокий урожай, особенно гектары заливаемых весной островных участков Кежемского, Богучанского и других районов Приангарья, где капуста, например, вырастает чрезвычайно крупных размеров. На приусадебных участках колхозников за последние годы входит в быт сахарная свекла, очень охотно культивируемая колхозниками, а в Богучанском районе за последние годы успешно выращивают яблоки» [25]. Ответственность за урожай на личном подворье лежала на стариках и детях, не привлеченных к колхозному труду.

Основой крестьянского подворья являлось наличие скота. В хозяйстве каждого колхозного двора дозволялось иметь, за редким исключением, не более одной коровы, одной свиноматки с приплодом, до 10 овец или коз и неограниченное количество птицы и кроликов. Рабочий скот, например, лошадь, в личном владении не предусматривался. Считалось, что участок имеет подсобное значение, однако при мизерной оплате трудодня он превращался в реального кормильца крестьянской семьи [26].

В каждом крестьянском дворе Приангарья держали, как правило, одну корову. Однако среди колхозников имелись и бескоровные хозяйства. Так, в 1949 году в трех районах Нижнего Приангарья из 3782 наличных дворов без всякого скота было 18 %, бескоровных – 27 % [4]. По данным книг похозяйственного учета в Кежемском районе в 1949 г. только 49 % крестьянских хозяйств держали овец [27]. Почти везде на Ангаре скот пасти без пастуха (кроме селений по Илимю). При наличии поскотины или островов летом, с появлением мошки, в деревнях Приангарья применялся ночной выпас скота. Отмечалось присущее крестьянскому менталитету особое отношение к животным: «Свою коровку жалели, холили. Даже ласкали. Она была незаменимой кормилицей» [10].

Однако высокие ставки сельхозналога, отсутствие времени, а зачастую, и возможности для заготовки кормов делали невыгодным содержание большого количества до-

машинного скота, так как до середины 1960-х годов личное хозяйство и личные нужды колхозников почти не брались в расчет. Например, для содержания домашнего скота крестьяне особое значение придавали сенокосу, пожалуй, единственной работе на колхозной земле, производимой и для себя. Так, для того, чтобы накормить корову, семья должна была изыскать время и найти место, где можно накопить сено, и это нужно было сделать не в ущерб работе в колхозе. Поэтому часто косили для себя ночью, а утром бежали на колхозное поле.

В 1950 году колхозная семья получала из подсобного хозяйства 7,4 % зерна, 88,4 % картофеля, 85,3 % мяса, 95,6 % яиц, 97,7 % молока, 45,3 % общей суммы денег. В личной собственности в 1951 году находилось 32 % всего поголовья крупного рогатого скота [28]. В целом по СССР к 1952 г. на приусадебных участках, занимавших 1-2 % земель, производились «едва ли не половина овощей, больше 2/3 мяса, молока и картофеля и около 9/10 яиц» [29].

В 1952 году колхозники затрачивали в общественном хозяйстве 66,9 % рабочего времени, а доля коллективного хозяйства в структуре семейных доходов составляла лишь 33,9 %. В личном же хозяйстве соотношение было обратное. При 22,9 % затрат труда личное хозяйство обеспечивало 49,2 % совокупных доходов колхозных семей [30].

Известно, что большую часть денежных доходов крестьянский двор получал за счет продаж на колхозном рынке продуктов, полученных из личных приусадебных хозяйств. Под колхозным рынком в исследуемом регионе не обязательно подразумевается городской рынок. Например, в Среднем и Нижнем Приангарье большинство колхозников из удаленных от городов деревень предпочитали продавать свои продукты в районных центрах и поселках лесозаготовителей, а там, где не было колхозных рынков, «продавали в частных домах и дворах». «На базар колхозники привозили для продажи сало, молоко, мясо, картофель, муку и другие продукты. Сельпо и рыбооп выделяли для встречной продажи мануфактуру, мыло, сахар», – сообщала газета «Илимский партизан» [17]. Любопытно, что такая «встречная» продажа не облагалась никаким специаль-

ным налогом. Впрочем, для большинства жителей отдаленных районов проблема отсутствия торговых мест на колхозном рынке являлась не столь актуальной, ибо они вели почти исключительно натуральное хозяйство. Например, в Тангуйском районе не было рынка сбыта для сельскохозяйственных продуктов, а отсутствие поблизости городского населения и хороших дорог затрудняло вывоз продукции из деревень, поскольку требовались большие затраты на транспортировку. Крайне низкие доходы от приусадебных участков вели к ежегодному сокращению площадей посева на них, и к концу 1940-х годов в районе приусадебные участки засеивались лишь на 66 % [31, 32].

Несколько иная картина была в сельских районах Верхнего Приангарья. Следствием близости к областному центру с большим рынком сбыта были более широкие возможности продажи продукции с личного подворья. Так, по воспоминаниям М.К. Тютриной, жительницы Осинского района Иркутской области, для этих целей осенью, после сбора урожая, колхоз выделял на 2-3 семьи лошадей для поездки в Иркутск на рынок [11]. В этом случае торговля приносила весомый денежный доход в бюджет крестьянской семьи.

Таким образом, личное подсобное хозяйство колхозников во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов было объектом двух противоречивых тенденций. С одной стороны, денежный налог вынуждал крестьян максимально сокращать поголовье своего скота, структуру и размер посевов, с другой – полностью отказаться от ведения индивидуального хозяйства мешали натуральный налог и угроза голода.

Не существует единого мнения историков и по оценке мероприятий руководства, направленных на преодоление послевоенной разрухи в деревне.

Начавшееся в послевоенные годы раскрестьянивание деревни выражалось не только в количественной убыли колхозного населения. Под влиянием целого ряда постулатов советской аграрной политики, внушавшей колхозникам, что их страсть и привязанность к своему подсобному хозяйству – вредный пережиток, у деревенских жителей постепенно менялось отношение к сельскохозяйственному труду, к земле.

Региональными особенностями развития ЛПХ колхозников Приангарья следует признать наличие используемой земли сверх установленной нормы, особенно в отдаленных районных центрах и близко расположенных к ним деревнях Средней и Нижней Ангары. В связи с отсутствием рынков сбыта в большей части труднодоступных районов проявлялись тенденции к сокращению площадей огородов, снижению товарности сельских ЛПХ, а также замедлению темпов их развития, что выражалось в малокоровности, а зачастую и отсутствии скота в крестьянских подворьях.

Литература

1. **Виноградский В.Г.** Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 63.
2. **Кожевникова Л.М.** Социальная политика партии в деревне в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири): дис. ...канд. ист. наук. Красноярск, 1990. С. 245.
3. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1985. С. 250.
4. **Группировка наличных дворов** колхозников по обеспеченности скотом в сельской местности края на 1 января 1949г. // Там же. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 1514. Л. 8,23,40.
5. **Безнин М.А., Димони Т.М.** Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 102
6. История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг. М., 1959. Т. 1. С. 432.
7. **Милохин Д.В., Сметанин А.Ф.** Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946-1958: соц.-экон. аспекты развития. М.: Наука, 2005. С. 100.
8. **Безнин М.А., Димони Т.М.** Повинности российских колхозников в 30-60-е гг. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 103.
9. **Шалак А.В.** Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940-1950 гг.): науч. изд. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. С. 126.
10. **Петрушин Ю.А.** Земля кундуйская. Исторический очерк. Иркутск: Отгиск, 2006. С. 137.
11. **Бердинских В.А.** Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. С. 372.
12. Ковригина С.В. О проблемах послевоенной деревни. Интервью с Н.В. Дубровиным. // Арх. науч.-исслед. лаб. Брат. гос. ун-та. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2.
13. **Областные итоги разработки бюджетов колхозников** (относительные данные) 1952 г. // ГАИО (Гос. арх. Иркут. обл.) Ф. Р-2679. Оп. 14. Д. 16. Л. 94. **Подсчитано по:** Соновецкий сельский совет депутатов трудящихся Кежемского района // Арх. отд. Кежемской районной администрации Красноярского края Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 6. Л. 1-93; Д. 8. Л.1-74.
14. **Докладные работников РК КПСС** на имя 1 секретаря РК КПСС по проверке работы колхозов и др. 12 декабря 1951-8 декабря 1952гг. // Там же. Ф. П-20. Оп.1. Д. 292. Л. 18-19.
15. Передовица. Колхозник. 1946. 3 марта.
16. Колонка редактора. Илимский партизан. 1948. 20 марта.
17. **Материалы 6 районной партийной конференции** 2-3 августа 1952 г. // Арх. агентство администрации Красноярского края Ф. П-20. Оп. 1. Д. 289. Л. 46.
18. **Отчет** о работе Иркутского областного комитета ВКП(б), информация о работе школ области за 1946 г. // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.). Ф. 127. Оп. 30. Д.62. Л.11.
19. Передовая. Знамя коммунизма. 1946. 29 мая.
20. Там же. 1948. 15 апреля.
21. **Косых А.П.** Развитие сельского хозяйства Восточной Сибири в послевоенный период (1946-1953 гг.). // Учен. Зап. Иркут. пед. ин-ута. 1967. Вып. 30. С. 84.
22. **Советское крестьянство.** Краткий очерк истории. (1917-1970). / под ред. В.П. Данилова [и др.]. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973. С. 398.
23. **Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.** Ч.1. Приангарье / отв. ред. И.В. Маковецкий, Г.С. Маслова. Новосибирск: Наука, 1971. С. 59.
24. Колонка редактора. Восточно-Сибирская правда. 1946. 20 августа.
25. **Отчеты, докладные записки, справки и письма Красноярского, Тувинского, Тюменского и Чкаловского обкомов,** информатора управления КПК при ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю и Чкаловской области и др. О работе обкомов партии Урала, Сибири и Дальнего Востока и о состоянии дел в областях. Декабрь 1946 - май 1948 г. // РГАСПИ (Рос. арх. соц.- полит. истории). Ф. 17. Оп. 122. Д. 206. Л. 201.
26. **Вербицкая О.М.** Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 3-4.
27. **Сельское хозяйство СССР:** стат. сб. М., 1971. С. 246-249.
28. **Хоскинг Дж.** История Советского Союза 1917-1991. М.: Вагриус, 1994. С. 309.
29. Суслов И.Ф. Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. М., 1973. С. 186.

30. Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945-1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 31 с.